

ПАМЯТЬ КАК ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена анализу самоидентификации российских немцев в современной социокультурной ситуации. На материале биографических интервью с представительницами двух поколений рассматривается роль памяти о событиях исторического прошлого в самоопределении этнической принадлежности и установлении связи с немецкой и российской культурой.

Ключевые слова: российские немцы; биографическое интервью; история семьи; культурная идентичность; память.

Прошлое незабываемо, особенно если оно связано с травматичным опытом. Даже вытесненное на задворки памяти, оно определяет жизненный путь и мировосприятие человека. Зачастую память о прошлом становится одним из важных элементов самоидентификации как нации, так и индивидов.

К этническим группам, наиболее чувствительным к прошлому, можно отнести российских немцев, чья судьба в XX веке была зачастую очень трагична. И в наши дни, уже реабилитированным, им непросто дается обретение себя. Каким образом память о событиях середины прошлого века влияет на самоощущение старших поколений ныне живущих немцев? Как эмоциональное восприятие немцами тех событий отражается в их сегодняшней жизни?

Наиболее интересными для нас являются предвоенный (1930-е годы), военный и послевоенный периоды истории, с которыми связаны наиболее болезненные воспоминания. Материалом исследования служат проведенные нами биографические интервью с двумя жительницами г. Чернушка (Пермский край), которых мы назовем Л. и Э. Хотя биографический метод не дает масштабных обобщений, он позволяет выявить механизмы отбора и интерпретации событий прошлого в памяти индивида [1].

В жизненных историях этих двух женщин есть много общего. Они обе – выходцы из крестьянской социальной среды, обе получили среднеспециальное образование и никогда не состояли в партийных организациях. Семьи обеих оказались на территории Пермского края во время

* *Чаусова Анастасия Андреевна*, Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург.

E-mail: nastya.chausova@mail.ru

войны. Однако респондентки принадлежат к разным поколениям: на данный момент Л. — 66 лет, а Э. — 90 лет. Э. застала описываемые события в сознательном возрасте (14 лет), поэтому она делится собственными эмоциями и переживаниями от испытанного и увиденного, а Л., рассказывая о своих впечатлениях, опирается на факты из жизненной истории ее родственников. Кроме того, на восприятие событий влияют и различия в социальном происхождении (Л. — из рабочих, Э. — из служащих) и условиях проживания.

В воспоминаниях респонденток можно выделить несколько общих сюжетов, которые, однако, трактуются по-разному. Первая тема воспоминаний — это история попадания немецких семей в Пермскую землю. Э. вспоминает непосредственно период раскулачивания (1931–1932 гг.), когда у ее дедушки и бабушки, живших в Саратовской области, *отбирали продукты, муку из закромов последнюю заметили*. Семья голодала, поэтому в поисках счастья приняли решение уехать с Волги на Урал, где и жили с 1932 по 1941 гг.: *Оборванные и голодные, мы оказались в Карагайском районе Пермской области. Нас приютили на уральской зональной лесной опытной станции (УЗЛОС). Папа и мама работали на полях. Потихоньку ожили, но там тоже было очень бедно и голодно*.

История семьи Л. более сложна, и воспоминания о ней затрагивают более глубокие пласты прошлого. Предки Л. попали на постоянное место жительства в Вольнскую губернию при Екатерине II, а позже вся семья была выселена с Украины в окрестности реки Трунки, где и проживала на собственном хуторе. В годы коллективизации семья была раскулачена и вынуждена уехать в Одессу, но после смерти жены глава семьи — дед Л. — решил вернуться на Урал. После возвращения в 1941 г. они поселились не на прежнем месте, а в деревне Ивановка, обустроенной немцами-переселенцами еще в начале XX в.

Общим горем для всех стал период Великой Отечественной войны. Лиц немецкой национальности в действующую армию не брали, поэтому в это время уделом немецких семей стала трудовая армия. Э. рассказывает: *Когда война началась, отца забрали в трудовую армию на необжитое лесное место в Соликамский район Пермской области, где строили новый поселок Черный. Уехал, работал на общих работах, на лесоповале. Стали дома строить, обживать место. Все рабочие были немцы, только директор один — русский. Мы с сестрой были старшими, и было нам по 14–15 лет. Работали наравне со всеми: рубили лес, очищали железную дорогу от снега...*

В семье Л. в трудовую армию зачислили двоих — ее деда и шестнадцатилетнего отца. На примере этих членов семьи отчетливо про-

явилась двойственность отношения местного населения к немецким переселенцам: *Дедушка был умелым кузнецом, поэтому его ценили. А вот папе, работающему на лесозаготовках, не доверяли, каждый раз пытались унижить <...> Папа рассказывал: «Идем лес валить. Лошадь до того уставшая была, что упала и меня придавила. Вместе со мной шли хохлы и белорусы... Так они, прежде чем меня вытащить, спросили: “Что такое? Разлегся? Гитлера ждешь?”».*

Во время Великой Отечественной войны немецкое население южных районов Прикамья не подвергалось депортации, но находилось «под комендантом». Комендантский режим, необходимость ежемесячно отмечаться в комендатуре сняли с немцев только в 1955 г., так что даже Л. помнит *эту унижительную процедуру*, поскольку отец часто брал ее с собой. Ее воспоминания весьма лаконичны и не отличаются детальностью, в них преобладает эмоциональное впечатление: *...это так не рассказать, это надо видеть своими глазами и слышать своими ушами. Огромные очереди и унижения, оскорбления со стороны работников правоохранительных органов.*

Если в воспоминаниях Л. необходимость отмечаться связывается преимущественно с обидой за старших родственников, то Э. вспоминает комендантский режим как личное оскорбление и источник дополнительных трудностей: *Без оснований, поставили на учет в милиции с 1947–1954 год. Поэтому мне каждый раз приходилось ходить и отмечаться, не разрешалось выезжать за пределы района, трудно складывались отношения с коллегами по работе. В райсельхозотдел меня, конечно, приняли с трудом.*

Послевоенное время также связано для обеих респонденток с травматичными воспоминаниями. Отца Л. после войны как лицо немецкой национальности вывезли в спецпоселения в Сарс на вечное поселение, да и другие члены семьи тоже подверглись репрессиям. Родственникам Э. удалось избежать спецпоселения лишь потому, что вся семья вовремя разъехалась. Сама Э. была направлена на работу агрономом в Карагай. Конечно, их всех на месте проживания поставили на учет как лиц немецкой национальности, но жить в спецпоселении не принудили.

Важным для обеих женщин стал вопрос о любви и возможности брака. Э. пережила расставание с близким человеком и до сих пор жалеет, что ей не удалось выйти замуж по любви, поскольку такой брак мог испортить репутацию ее избраннику: *Мой жених занимал ответственный пост в районе, поэтому его родные и все окружение были против нашей свадьбы. К тому же в общественном сознании брак комсомольца с немкой воспринимался как явление ненормальное.* В результате Э. вышла замуж только в 1955 г., тоже за комсомольца, но *нелюбимого*.

Хотя в жизни самой Л. не было любовных драм, связанных с происхождением, эти коллизии хорошо знакомы ей по семейной истории. Отца Л. вопреки его воле заставили жениться на сестре умершей жены, поскольку *родственники боялись, что тетя не сможет выйти замуж из-за своего происхождения и ее выдали за своего же — коренного немца.*

Помимо рассказов о конкретных исторических событиях, в воспоминаниях респонденток возникают и другие болезненные для них темы, связанные с происхождением. Так, Э. всю жизнь страдала из-за негативного отношения окружающих, их необоснованной подозрительности. Способом самозащиты для нее стал внешний отказ от происхождения, своего рода забвение корней: *Даже свое имя... я заменила на «Ира». Постепенно и в документах стали писать русское имя.* Л. тоже хорошо помнит, как в школе ее обзывали, называли немкой: *При каждом удобном случае меня унижали: в столовой порцию не дадут, подложку подставят, за косичку дернут...* Однако к разрыву с родной культурой эти невзгоды ее не привели.

Особенно непростая тема — это отношение к родному языку. Старшее поколение детей, не без влияния взрослых, избрало путь отречения от языка. Как вспоминает Э., *мама не научила нас (старших сестер) немецкому, потому что она боялась преследования, скрывала свое происхождение.*

Эта повышенная осторожность передалась от родителей к детям. Так, Э. ничуть не завидует своей младшей сестре, единственной из всех детей выучившей немецкий язык. Э. не хотела изучать его самостоятельно, считая, что *лучше вообще не знать, чем привлекать к себе лишнее внимание.* Для нее незнание языка равноценно забвению тех страшных событий, что произошли с ней и ее семьей. Л., представительница другого поколения, свободна от этих страхов. Немецкий язык она изучила сама, ведь все свое детство она провела в спецпоселении, где все его жители свободно говорили по-немецки. Она рассказывает, что ей с успехом удалось пройти экзамен по немецкому языку в германском посольстве. Л. гордится высокой оценкой, которую дали члены комиссии ее знанию немецкого: *Они сказали, что такой язык сейчас редко встречается даже среди жителей самой Германии.*

По-разному обе женщины относятся к настоящему. Э. реабилитирована в 1990 г., имеет льготы, звание «Ветеран труда», награждена медалями. Но подытоживая прожитые годы, она повторяет: *Я прожила не свою жизнь.* Однако и переезжать в Германию она боится, хотя большинство ее родственников за последние двадцать лет вернулись на историческую родину. Л., наоборот, уже не единожды бывала в Германии и даже некоторое время жила там. Однако она не воспринимает

ее как родную землю: *Россия — моя родина, здесь могилы моих предков, здесь мои родные и друзья, здесь все мое, а там все чужое*. Она с гордостью говорит, что ее отец был причастен к строительству Чернушки: *Он строил трехэтажную чернушинскую больницу, которую сейчас уже снесли, кинотеатр «Луч», где сейчас находится церковь*, — подчеркивая тем самым связь истории семьи с историей страны.

Таким образом, в современных российских немцах уживается «русская» и «немецкая» идентичность. С одной стороны, они скрывают свое происхождение, числясь в официальных документах как «русские». С другой стороны, хотя связь с этнической культурой во многом потеряна, полной ассимиляции с окружением не произошло. Между тем в разных поколениях отношение к российской культуре разное. Старшее поколение немцев желает забыть события прошлой жизни, отречься от них. Младшее поколение же склонно к построению диалога с другими культурами для правильного понимания своей культуры, что будет возможно при восстановлении потерянных знаний.

Литература

1. *Рождественская Е. Ю.* Биографический метод в социологии. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 381 с.

Chausova Anastasia Andreevna,
Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

MEMORY AS A BASE OF CULTURAL IDENTITY: THE EXPERIENCE OF BIOGRAPHICAL RESEARCH

Abstract: In the article we analyze an identity of the Russian Germans nowadays. On the materials of biographical interviews with the represents of two generations we reveal the role of historical events and memories of them in forming ethnicity and connections with the German and Russian cultures.

Keywords: Russian Germans; biographical interview; family history; cultural identity; memory.